

Россия. — 2006. — 26 янв. — 2 февр. — с. 20

Мама Люба, Мука, Флюшка и Мак

Корреспондент «России» вспоминает о встрече со второй супругой Михаила Булгакова Любовью Белозерской и о спиритическом сеансе с духом писателя

О доме в Москве по Большой Широковской, 35 можно было бы поведать драматические и даже фантастические истории. Но и прозаическая его реальность представляет немалый интерес. В нем сравнительно длинное время — с 1927-го по 1933 год — жил и творил Булгаков. Как раз в эти плодотворные годы и сопутствовала ему, облегчая его нелегкую участь, его жена и помощник Любовь Евгеньевна Белозерская.

Прошло более полувека со времени его присутствия, и дверь квартиры открыла хозяйка... Ей нельзя было отказать в стройности и изяществе. Не зря, как позже выяснилось, она в свое время в силу вынужденных обстоятельств имела отношение к балете.

Книжный шкаф, круглый стол, закрученный витками торшер, массивное овальное зеркало, оригинальный диван-лафья, прозванный «закорюкой» — все от тех дней. Со всех четырех стен — знакомый примечательный булгаковский иронично-лукавый взгляд с фотографий. Одна из фотографий, видимо, самая ценная Любовью Евгеньевной, висела в массивной дореволюционной рамочке над кроватью. И хотя размер ее скромно-открыточный, Михаил Афанасьевич выглядит на ней довольно не-

обычно — прямо-таки по-мифологически. Взор насуплен, и главное — с моноклом. Ценная фотография с отчетливой, твердой-размашистой надписью: «Маме Любе, нежно любимой, и ее Муке и Флюшке. Мак, 1928 г. 19 ноября. Москва». Маком, именем героя одной из сказок — «Мика, Мама и Минуха», — называл сам себя Михаил Афанасьевич. Позже это прозвище закрепилось за ним и в кругу его близких. Флюшка — кошка в доме Булгаковых. Удивительно сообразительная, игривая, артистичная, но без чувства собственного достоинства, как все представительницы ее рода. Другой такой понятливой и яркой не было. Поэтому Любовь Евгеньевна и считала ее прототипом Бегемота. Для еще большей проказливости кошку понадобилось автору превратить в коту. Мука — тоже реальная кошка.

Рогаш — существо загадочное

К животным в семье отношение было особое — гостеприимное. Главным почитаемым «зверинцем» считался хохлатый котик — Люба. Благодаря у нее с детства любовь к животным. Ее трогательная привязанность к ним была разделена и Михаилом Афанасьевичем: хвостатые друзья суме-

ли оценить эту дружбу по достоинству. В компании с хозяином квартиры они затевали такие пляски — Михаил Афанасьевич называл их «сатурналиями», — что иногда летели кувырок одежда, посуда, рукописи. После всех неудач, проволочек, недоразумений, разрывов, нервотрепок в редакциях, театрах, издательствах «сатурналии» давали дома разрядку и зарядку.

Кроме незабвенного Бегемота в «Мастере и Маргарите», кот присутствует и в «Театральном романе». Пес — главный герой прославленной повести «Собачье сердце». Она, между прочим, посвящена Любови Белозерской.

Для воплощения других своих творческих замыслов Михаилу Афанасьевичу понадобилось существо менее реальное. В одной из папок, где сохранились немногие из рисунков писателя, Любовь Евгеньевна обратила внимание на подпись: «Банге-Рогаш с кольцом 5 каратов 14.05.28 г.».

Рогаш — существо загадочное, ни на что не похожее: ни на кошку, ни на пса. Возможно, вобравшее что-то и от них, а скорее, пожалуй, от лисы. Между прочим, как отмечают некоторые современники, в самом булгаковском лице было что-то напоминающее лису...

Нет, на булгаковском рисунке, очевидно, изображен дьяволенок, изящный, начинающий, перспективный, который, быть может, вскоре преобразится в «Консультанта с копьем» (первоначальное название романа «Мастер и Маргарита»). — Прим. ред.) Первые варианты знаменитого произведения, его необычные образы и сюжетные повороты рождались в этом доме. Когда муж проявлял свою вспыльчивость, «выходил из себя», Любовь Евгеньевна успокаивала его шуткой: «Это в тебе Рогаш заговорил...»

Демидовская гимназистка

Фотографии... По ним, как по кадрам кинохроники, «прокручивается в памяти прошлое» Любови Евгеньевны. Вот она круглолицая, с пухленькими щечками, с наивным беззаботным девчоночьим взглядом, в форме ученицы Демидовской гимназии в Петербурге.

Будущее готовило ей тяжелые испытания. Отец умер рано — она его почти не помнила. В семье остались четверо детей, старшую сестру и ее, младшую, взяли в закрытую гимназию на казенный счет, поскольку

отец, выходец из обедневшей дворянской фамилии, работал преподавателем в Демидовском лицее. Без такой благотворительности матери пришлось бы совсем трудно. Но все испытания были еще впереди.

Выпуск из гимназии совпал со всеобщим потрясением — Первой мировой войной. Люба после окончания курсов сестрой милосердия попала в тифозные госпитали на Ковельщине. Запомнилась деталь: появление вражеского самолета в небе воспринималось не как угроза, а как развлечение. Затем последовало возвращение в Петербург, потянулись революционные будни, началась служба в банковских учреждениях.

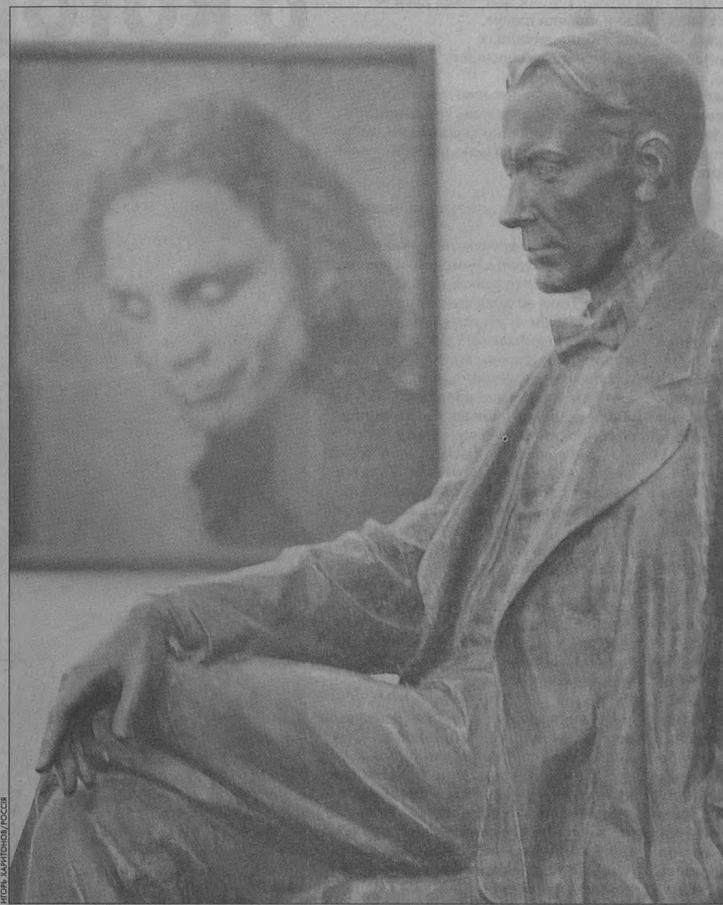
Воспоминания уже без фотоизображений: фотографироваться было и некогда, и не на что. Работу приходилось не выбирать, соглашаться на ту, которая подворачивалась. Нужно было выживать и приспособливаться. В городе Вольске на Саратовщине, куда поехала к маме, преподавала в школе гимнастику и танцы. Несмотря на Гражданскую войну, танцами не пренебрегала.

Записки эмигрантки

Она, Люба, переехала к родственнице в Киев. Город остался в памяти не столько службой в каких-то эфемерно меняющихся учреждениях, сколько шумом бесконечной стрельбы и трунами на улицах при смене пяти или шести правительств. «Немудрено было при их калейдоскопичности обиться со счета! В это время могла уже в Киеве встретиться с Михаилом Афанасьевичем, но, видимо, была еще не судьба...»

Потом последовала эмиграция. Одесса, Константинополь, Берлин, Париж... Там в поисках работы и пробовала силы в балете. Возвратиться на родину — надо было иметь мужество... Ей было что порассказать Михаилу Афанасьевичу при встречах в Москве о своих скитаниях. Из этих рассказов и родилась булгаковская пьеса «Бег». Кроме того, он собственноручно написал план ее предпологаемой книги «Записки эмигрантки». Это долго оставалось его завещанием, которое она со временем выполнила.

Любовь Белозерская длительный период работала в журнально-газетном объединении, в редакции «Литературной газеты», издательстве «Советская энциклопедия». Женщиной она была приметной. Ей посвящали стихи, пи-

Мак, он же Михаил Булгаков, он же Мастер

сательница Векстерн посвятила даже книгу «Жорж Санд» (из серии ЖЗЛ). Большинство писем, документов, рукописей, фотографий мужа Любови Евгеньевны перешло на хранение в Пушкинский дом в Петербурге и в отдел рукописей Библиотеки им. Ленина в Москве.

Приобретение автомашин не исключалось

Известно, каким верным, беззаветно любящим другом была для Михаила Булгакова его жена. Какая? Конечно, последняя, Елена Сергеевна. Она сохранила и добилась напечатания его необыкновенного романа «Мастер и Маргарита», встряхнувшего общество. Ей сполна отдали дань мемуаристы, литературоведы, журналисты. Оценили ее подвиг, обаятельность, духовную и физическую красоту. Не зря она получала величественные имена — Ева, Аврора, Маргарита.

Были изданы ее дневники и письма. Да и похоронена она рядом с Михаилом Афанасьевичем, на почетном месте Новодевичьего кладбища. Мастер, как и в финале романа, обрел выстраданной покой со своей Маргаритой.

А как же Белозерская? По принятым обычаям и неписаным законам она, как вторая, оказалась полузабытой и затененной. О том, как много значила Люба, Любана, Любан, Любница (и еще подобные ласковые обращения мужа), лучше всего, очевидно, может передать перечень созданного Михаилом Афанасьевичем за годы их восьмилетнего проживания. Широко известный, наделавший много шума роман «Белая гвардия» он посвятил ей. Она для него писала под диктовку, переводила с французского, выполняла различные поручения, вела хозяйство. Да еще выкраивала время на верховую езду и автомобильные

курсы. Не исключалось приобретение автомашин — так налаживалась жизнь в нелегкое время.

За эти совместные годы появились пьесы Михаила Афанасьевича «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров», «Адам и Ева», «Кабала святош» и особенно приметный, связанный с ее рассказами об иммиграции знаменитый роман «Бег». Ко всему этому — и страницы первой редакции романа о дьяволе, который со временем получил название «Мастер и Маргарита». Ни до, ни после не было такой полноты творчества. Не было недостатка и в трудностях, драматичности реальной жизни.

Втроем под одной крышей

О том, как все это переживалось, в частности, облик в квартире писателя, Любовь Евгеньевна сохранила такую подробность. Глупушки пришли в такое время, когда

Михаила Афанасьевича не было дома. Вдруг знакомый стук в дверь. Она бросилась открывать и, увидев его, сказала шепотом: «Ты не волнуйся, Мама, у нас обыск...»

Он держался молодцом. Чекисты занялись не только книжными полками, но и креслами — колели их длинной спицей. И тут Михаил Афанасьевич неожиданно громко заявил: «Ну, Любаша, если твои кресла выстрелят, я не отвечаю за это...» Кресла эти были куплены накануне на складе бесхозной мебели. «И на нас обоих напал смех, может быть, и нервный», — вспоминала Любовь Евгеньевна. Вот такие шуточки. Обшлось без ареста.

Какое-то время спустя, в 1926 году, писатель обратился в Совет народных комиссаров и добился, чтобы ему возвратили изъятые рукописи. Но желание писать дневники у него с тех пор пропало.

По признанию всех друзей и знакомых, Михаил Афанасьевич был хорошим и даже примерным семьянином. И отношения с женой у Булгакова были предельно честными и открытыми. При расставании дело никогда не доходило до скандалов. Первая жена Татьяна Николаевна Лаппа вспоминала, что в домоуправлении все очень удивлялось, что они разошлись после 16 лет верности и взаимопонимания.

Может, чувства изживаются себя?.. Когда Михаил Афанасьевич встретил Елену Сергеевну и они сошлись, то еще несколько месяцев проживали в одной квартире под одной крышей с Любовью Евгеньевной. Конечно, тяжело, мучительно, трудно. Но что было делать в условиях нехватки жилья, коммуналок и уплотненности?

Писатель Булгаков мог с полным основанием отнести на свой счет чеховское признание: «Медицина была моей законной женой, литература — любовницей». Университетская подготовка, опыт земского врача давали возможность выжить при самых экстремальных обстоятельствах. И, бегая по Москве (он приехал в столицу в 1921 году в поисках заработка), Михаил Булгаков вполне мог сохранить верность «законной жене» — медицине — и стать преуспевающим обеспеченным врачом.

Но, очевидно, не он первый, не он последний, кто, вопреки житейской логике и расчету, пришел к своему признанию. И три его музы существованию помогли на нелегком пути.

Любовь Белозерская в Париже. 1920-е годы

Идея провести сеанс спиритизма с духом Булгакова родилась спонтанно. Я и мои товарищи знали, что у медиума спирита Феликса Эльдемурова «контакт» лучше всего проходит с духом Михаила Афанасьевича. Феликс сразу согласился, а Вадим Чернобров — сотрудник МАИ, ученый, уфолог и научист — взял с собой ряд научных приборов и видеокамеру, чтобы произвести видеосъемку.

23 декабря 1998 года, учебно-консультативный центр «Познай себя», 16.00.

В небольшой уютной комнате горит свеча. Лицо Эльдемурова обращено к свече, оно необычайно сосредоточенно.

Вадим Чернобров на соседнем столе разложил приборы. Однако видеокамера включается не сразу — барахлит розетка. Наконец все готово, Эльдемуров просит выключить свет, он ему почему-то мешает. Перед ним лежит лист бумаги, на котором начерчен круг с буквами алфавита по краям окружности. Палец спирита застывает посередине круга, будто в ожидании сигнала.

— Михаил Афанасьевич, вы с нами? Вы согласны побеседовать? — Голос Эльдемурова ровен и спокоен. Рука его начинает быстро-быстро двигаться между буквами, собирая буквы в слова, слова — в фразы. Ответ он получает сразу, произнося его дру-гим голосом.

«Я — персонаж нереальный»

Спиритический сеанс с духом Михаила Булгакова, состоявшийся семь лет назад

— Жизнь — штука сложная. Это интервью... этот разговор мне, честно говоря, немного не по сердцу... Как бы вам сказать... Что-то томит, и сердце чувствует себя не очень уверенно. Можно я не буду спать... Но... попрошу вашего внимания.

— Вам ничего не мешает в комнате?

— Свет у вас немного мерцает, но нет куда без добра, я — персонаж нереальный.

По просьбе Феликса мы вопросы заранее написали на бумаге, и сейчас он быстро читает их один за другим.

— А персонажи в вашей книге «Мастер и Маргарита» реальные?

— Нет. У меня не было жизненных прототипов. Мастер — это тот, кто существует во все времена. Маргарита — мой образ женщины.

Вообще... таким я видел Иисуса Христа. Не размалеванным по иконе, а живым, страдающим человеком, которому выпала честь быть Богом. Остальные, включая Пилата... — их и придумывать не надо было. Волад — где-то я сам. Я ведь всегда был бунтарем. Причем заметьте одну деталь, он — совсем не Сатана.

— Сатана в «тонких» мирах существует? — Этот вопрос у нас возник в ходе беседы.

— Нет, «тонкие миры» — вещь абстрактная и во многом надуманная. Они существуют часто в воображении, как и герои произведения.

— А героев своих произведений вы видели «внутренним» взором?

— Внутренний взор, мистические государи, естественная способность или способность каждого настоящего писателя, если угодно — творца. Конечно, я «видел» своих героев.

— Пишет ли кто сейчас на земле от вашего имени?

— Да. Писак немало, и омыслителей хватает. Только суета все это. Нужно самому видеть и создавать свой мир в творчестве. Прокрустово ложе критики не должно бросать камень в ваш город.

— Будет ли ваша реинкарнация?

— Я уже был реинкарнирован. Через 20 лет после смерти родился вновь и успел уже снова сменить физическое тело. Но в моих реинкарнациях... был не «я». Жизнь — не одна, житей — много.

— В каком вы сейчас мире?

— В мире вашем.

— А обычно?

— В Божьем мире. Это трудно определить на простом языке.

— Кто победит на президентских выборах в России в 2000 году? (См. дату эксперимента. — Прим. ред.)

— Вам еще фамилию указать? Победит такой президент, которого давно не знала Россия. Это человек, который сейчас не слишком известен. Его карьера в чем-то схожа с моей. Он будет поставлен Богом, его выдвижение произойдет ближе к лету.

— Нравится ли вам то, что происходит в России?

— Да, нравится. Что там горит, но и учится. Хватит получать все на блюдечке, надо самим научиться работать руками и головой. Войны сейчас нет. Настоящего голода — тоже. У вас самое интересное время. Теперь подняться бы. Но те, кто успел нажиться, привыкли, что все можно списывать на переходный период, и тянут назад. Если их скинуть, освободить места для людей, кому дороги честь и совесть, Россия воспрянет.

— Какие силы в нашем государстве работают?

— Да бросьте вы о силах. Бог работает. Сечет по задние ремни. Силы «тьмы» — это вы сами, и силы «света» — в вас самих. Не списывайте на Сатану то, в чем виноваты. Лучше посмотрите, где оступились.

— С кем из своих потомков или родных на земле вы духовно связаны?

— Потомки, родные... Ну, как вам сказать... Если вы верите в реинкарнацию, то поверьте и в то, что все мы друг другу родные. С супругой своей я был очень крепко связан, но это была не одна жизнь...

— Нравится ли вам «там», где вы находитесь?

— «Этот свет» и «тот свет» — суть единое целое. Я бы сказал, что мне всегда «здесь» нравится. Если душа спущена в мир Богом, то ей безразлично — «тот» или «этот свет». Уход тела не есть уход души. Она и «здесь», и «там».

— Помните ли вы жизнь, прожитую на земле?

— Вы имеете в виду ту жизнь, в которой я был писателем Булгаковым? Да, помню себя в этой роли и рядом... Но зачем вам вся эта информация? Пусть я для вас останусь таким, как вам запомнилось.

— Как человек улетает «наверх»?

— Улетает, как «пробка из бутылки»: щелк — и все. Порх — как птичка. Спиральные каналы — видимость. Этих «каналов» много, в течение жизни их не видно.

— Что испытываешь при этом?

— Боль. Конечно, больно... Это еще жизнь. А вот когда душа простирается «наверх», уже не боль, а освобождение.

— А потом?

— Про это вам, судари, сказать не могу...

— Что такое время?

— Заведомо неприятная вещь. Субъективное восприятие процесса перевоплощения. Без времени мы живем здесь... Из времени во время ходим, как из двери в дверь.

— Как вы можете охарактеризовать феномен тунгусского взрыва?

— Этот взрыв произведен специально. В нем принимала участие цивилизация, которая войдет с вами в контакт.

— Это был ядерный взрыв? Для чего он был осуществлен?

— Это была нейтронная бомба. В начале века радиоактивность в этом месте была выше, затем снизилась. Взрыв был сделан как предупреждение об опасности ядерного оружия.

— Что такое — высший разум?

— Вселенский разум — абсолют. Это не Боженька на облачке, а серьезная система разума, которая совершенна в силу того, что сама себя совершенствует. Его обличье сходно с обличьем религий, принятых в

разных странах. Бог — вечное совершенствование.

— Настанет ли конец света?

— Я бы Нострадамусом не прикрывался. Очень путанный автор и ненадежный. Известно, что «что-то» будет, но у него даты не те.

— Вы знали заранее о предстоящем разговоре с вами?

— Конечно. Феликс давно встретил меня своим приговорами.

— Можно опубликовать наш разговор?

— Да. Ответы даны для публикации. Только, пожалуйста, ближе к тексту, как вы записали. Здесь нельзя прибавлять.

Мы попросили с духом Михаила Афанасьевича, поблагодарив его за беседу. На это можно было бы закончить рассказ об интервью, но... не об эксперименте.

Дело в том, что во время контакта один из приборов, установленных Чернобровом, «ожил», дав о себе знать слабым писком. Это был радиометр, указывавший на неожиданно подскочивший уровень радиации. Достигнув своего пика, радиация в комнате вскоре пришла в норму, ее воздействие оказалось кратковременным.

И еще одно странное обстоятельство. Когда стали просматривать видеозапись, оказалось, что записалось только начало нашего разговора. Дальше съемка не получилась, шли помехи. Почему так произошло — никто не знает.